

Донатас Банионис: ПОЗНАЙ СЕБЯ

Непростое это дело — развивать, совершенствовать себя, но каждый человек должен стремиться к этому. Известно, что В. И. Ленин в речи на III съезде комсомола обратился к молодежи с призывом заняться воспитанием В СЕБЕ коммунистической нравственности, формировать ИЗ СЕБЯ настоящих коммунистов в борьбе за построение нового общества. О некоторых проблемах воспитания в себе социальной активности, стойких убеждений, характера беседуем мы сегодня с народным артистом Литовской ССР Д. БАНИОНИСОМ.

Корреспондент. Речь пойдет о самовоспитании. Согласитесь, не так уж редко приходится слышать: вы меня воспитывайте, а я посмотрю, что из этого получится. Встречается и другая, страдательная, так сказать, разновидность позиции: недисциплинирован потому, что коллектив меня мало воспитывал...

Банионис. Вполне разделяю эту озабоченность. К слову сказать, в прессе, да и между собой мы чаще говорим о саморегулирующихся устройствах и аппаратах, нежели о самовоспитании человека. А проблема эта — не от праздного любопытства. Но тут с самого начала мне бы хотелось внести одну ясность. Никто, например, из моих товарищей, ни я в том числе, не представляем себя как актеров, наш коллектив в целом без Юозаса Милтиниса, нашего долгодетельного руководителя и воспитателя. Каждый из нас обязан ему не только в смысле воспитания профессионального мастера, но и чувства большой ответственности за свое интеллектуально-творческое, мировоззренческое, общекультурное и нравственное развитие. Так что, говоря о самовоспитании, следует иметь в виду и вторую, я бы сказал, равноправную сторону процесса — воспитателя. Самовоспитание, на мой взгляд, только и может быть успешным, если удастся в душу человека заронить стремление к саморазвитию, вызвать потребность совершенствоваться себя.

Корреспондент. А не здесь ли начало того самого социального иждивенчества, которое переходит в привычку: ведь все же легче бесконечно уповать на других, нежели мало-мальски встряхнуть, потормозить себя?

Банионис. Мы говорим о двух активных сторонах самовоспитания — о воспитателе и о себе. А отнестись активно к себе — значит критически на себя

взглянуть, беспристрастно, но и без самобичевания.

Корреспондент. Это, пожалуй, самая нелегкая часть задачи...

Банионис. И все-таки шаг этот обязателен и необходим. Старая формула гуманистов «познай себя» остается в силе. Самодовольство — явный признак деградации. Воспитанность ведь, кроме всего прочего, означает и умение видеть, чего тебе недостает, что нужно в себе выработать, чтобы быть на высоте положения. Тут, мне кажется, немаловажна роль коллектива, товарищеского окружения. Ненавязчиво, с соблюдением такта они должны помочь человеку увидеть себя как бы со стороны.

Корреспондент. И вновь перед нами нелегкая проблема. Вы заметили, может быть: человек легче воспринимает критику недостатков своей работы, чем несовершенства собственной личности.

Банионис. Разделяю это мнение. Но согласитесь: воспитывать мы должны в конечном счете характер, а тут уж без вмешательства в личностные особенности вряд ли обойтись. Да ведь и сам человек, его характер — это отношение к делу, поступки. Вопрос, стало быть, в том, чтобы научиться воспринимать критику. Обида, как и зависть, неплодотворна.

Корреспондент. Не возражат ли возможные наши оппоненты: легко-де говорить это Донатасу Банионису — с ним-то уж определению не могут не считаться...

Банионис. И напрасно скажут. В кино мне довелось работать со многими режиссерами. Из них, наверное, двое-трое имели покладистый характер, как говорится, «легкость и приятность» в обращении. Ничего сколько-нибудь заметного из нашего сотрудничества не вышло. Больше мне везло на характеры трудные.

Этим нисколько не оправдываю бесцеремонность, диктат, тем более грубость в отношениях между руководителем и людьми, на которых он в силу своего положения в коллективе воздействует. Но требовательность — она должна быть на первом плане. Требовательность прежде всего к себе. Это я в свое время попытался осознать и перенять в характере моего учителя. Правда, пройти пришлось через трудный опыт.

Корреспондент. Это интересные моменты в вашей биографии.

Банионис. Возможно. Они поучительны для меня и ныне.

Как артист я начал в 1941 году с роли ученика-подростка Ясуса в пьесе Бинкиса «Поросль». Это была ведущая роль в спектакле. Я был в таком же возрасте, как и мой герой. К тому же действие в пьесе происходило в Каунасе, в среде мне хорошо известной. Видимо, потому-то и роль далась легко, без напряжения, как бы сама собой. Словом, случайный во многом успех я просто-душно принял как бесспорное свидетельство доступности и легкости сцены. Мне казалось, что я все могу, все знаю. И глубоко ошибся, потому что вслед за тем потянулась длинная полоса моих неудач в театре. В требовательности режиссера мне виделся неосновательные придирки, стремление уязвить, унижить во что бы то ни стало мое распыленное, гипертрофированное самолюбие. Потом, когда в какой-то мере пришло сознание своей неопытности, просто неумения, возникло чувство неуверенности, даже несостоятельности как актера. Временами думал, не оставить ли мне театр. Вот такое состояние с разной степенью остроты переживалось ряд лет, вплоть до постановки в 1949 году «Женитьбы Белугина», в которой я сыграл роль Андрея. Хотя и до этого случались у меня отдельные успехи, которые я не умел по-настоящему осмыслить.

Корреспондент. Но этот перелом, конечно, был как-то подготовлен?

Банионис. В какой-то момент я вдруг открыл для себя, что мне недостает ни артистической культуры, ни общего интеллектуального развития, понял, что на сцене, как, впрочем, и в любом виде творчества, нельзя полагаться на мировоззренческую интуицию. Надо было за что-то зацепиться, взяться основательно. Мне тогда казалось — это было вскоре после войны, — что музыка способна компенсировать все, чего я так жаждал. Конечно, на самом деле все оказалось не так, но серьезные, систематические занятия музыкой помогли в какой-то мере преодолеть разлад между желаниями и собственными возможностями, а главное — отчетливее осознать пробел в общеобразовательной подготовке.

Надо сказать, что в юности, в пору буржуазной Литвы, мне так и не удалось окончить гимназию. И вот в нелегкое послевоенное время за три года я сумел освоить программу последних четырех классов вечерней средней школы и выйти из нее с золотой медалью. Да, это действительно были годы интенсивной работы над собой. Я почувствовал, наконец, как меня оставляли скованность, неуверенность в себе, в своих силах.

Корреспондент. Насколько можно судить, дело не только в том, чтобы сам критично на себя взглянуть, но и суметь сделать положительный вывод из критики.

Банионис. Я бы сформулировал это по-другому, несколько шире, что ли: человеку необходимо постоянно духовно активизировать себя. Со временем это входит в привычку, становится потребностью.

Корреспондент. Хотелось бы узнать Ваше пристрастие.

Банионис. Ну, лично я несколько лет назад увлекся немецким языком. Знание его не только облегчает мне общение, скажем, в зарубежных поездках, но и знакомство с одной из богатейших культур.

Корреспондент. Но как же практически духовно активизировать себя?

Банионис. Думается, легче всего начинать не с больших притязаний. Увлеченность каким-то делом, даже простым собирательством, уже предохраняет человека от духовного застоя. Вредно, безусловно, собирательство с «пользой»: тут уж идет скорее активизация алчности, нежели души.

Вот, кстати, недавно, во время поезд-

ки в Индию, довелось быть в гостях у военного атташе нашего посольства. Хозяин — человек, много занятый по своей работе, показал великолепную, собранную им коллекцию минералов. Признаться, я давно не слышал ничего более интересного и занимательного, чем его рассказы о камнях. Думается, что человек вообще может быть интересен для других, если он о чем-то знает больше, глубже, основательнее, может поделиться с другими своими знаниями.

Корреспондент. Кажется, мы незаметно перешли к следующей проблеме — о способах работы над собой. Что Вы в связи с этим могли бы порекомендовать другим?

Банионис. Я — артист, и не хотелось бы поэтому, чтобы обращение за фактами к искусству сочли как своего рода пристрастие.

Для себя и про себя я часто возвращаюсь мысленно к тому, что сделал и на сцене, и в кино. Многие теперь меня не удовлетворяют. Недавно как-то переосмысливал «Гойю». За исключением трех-четырех кусков все бы сейчас, наверное, сделал по-другому.

Я знаю пять-шесть актеров, которые мне представляются образцом в своем творчестве. Конечно, хороших артистов у нас гораздо больше, но я говорю о тех, которые, наверное, особенно близки мне по манере, по стилю игры. Мне хочется на сцене быть таким же, как они, хотя я пока не знаю, как этого достигнуть. Часто размышляю об этом. Так вот, каждый, мне думается, в жизни может использовать пример других людей, которые, скажем, в тех же условиях добились больших результатов, вспомнить свои успешные действия в прошлом, ободрить себя, уверить, что можешь достигнуть того, что наметил. Хуже всего бездействие, но оно плохо вдвойне, если порождено самовнушением, будто ты уже ничего не можешь сделать в жизни достойного, оригинального.

В моем развитии большую роль сыграло искусство. Сейчас, мне представляется, в школе, в вузах у молодежи вообще выявился излишний крен в сторону технических и точных наук. Общественность, кстати, давно и не без основания проявляет известную озабочен-

ность тем, что некоторая часть молодежи, юношество больше склонны к своеобразному рационализму и недооценивают моральную сторону духовной жизни человека. В этом кроется своя опасность. Ведь вопрос о совершенствовании человека не является компетенцией чисто технического мышления. Каким человеком станет — зависит прежде всего от того, сумеют ли оказаться на урне своих задач философия, искусство, воспитание.

Аморальность поступков некоторых молодых людей зачастую, как это ни странно, объясняется не сознательной злонамеренностью, а низким уровнем этической культуры, неразвитостью положительных нравственных и вообще человеческих чувств, ориентацией на ложные идеалы и ценности жизни и культуры, отсутствием продуманных, стойких убеждений. Огромнейшая роль искусства в преодолении этих недостатков неоспорима.

Ведь сама жизнь искусства, его функционирование обязательно предполагают сотворчество «потребителя». Восприятие искусства как бы приводит в оборот накопленный нами духовный капитал, не дает ему омертветь, активизирует нравственный потенциал человека, по-своему способствует превращению знаний в убеждения. Вот почему, как я полагаю, в школе, в вузах, в производственных коллективах нравственно-эстетическое воспитание должно занять одно из ведущих мест в системе идейно-воспитательной работы. Это будет надежным направляющим фактором в работе над собой. Но это, думается, большая самостоятельная проблема, выходящая за рамки нашей темы.

Корреспондент. В нашей беседе хотелось бы обратить внимание на то, что старая формула гуманистов «познай себя» никак не означает благодушия и легкости в отношении к себе.

Банионис. Это так. Потому что самовоспитание — деятельность, нелегкий труд особого рода. Но мне бы не хотелось вместе с тем наделять его чертами суровости и непреклонности, какой-то аскетической самоотрешенности. Работа над собой, нельзя противопоставлять собственные цели коллективным. Стремление как можно теснее объединить их облегчит нашу задачу. Важно понять: подлинная гуманность — это не только уважение других к моему достоинству, но также обязательно и требовательность к себе самому.

Вел беседу Б. ПЕТИН.

1974, 30 марта
СОВЕТСКАЯ ЛИТВА
Б. БИЛИН